

ПЫЛЬ СТАРОГО ДВОРА

Рассказы

*Я ребенком из отчего дома ушел,
Воротился уже стариком...
Милой родины говор звучит, как тогда,
У меня ж на висках седина.
И соседские дети глядят на меня —
Нет, они не знакомы со мной —
И смеются и просят,
Чтоб гость им сказал,
Из каких он приехал краев.*

Хэ Чжи-чжан, династия Тан, VII в.

ВЕЩЬ

Когда я был маленьким, отцу купили кожаный реглан: пояс с пряжкой, отстегивающийся, на пуговицах, меховой подклад, цигейковый воротник. Кожа была мягкая, черная, как вакса, и толстая. Шик-модерн, сейчас таких не увидишь. Сбежались соседи, цокали языками, мяли подклад, зачем-то заставляли отца поднимать руки, как в детсадовской игре «гуси-гуси, — га-га-га, — есть хотите? — да-да-да!» Мама держала зеркало, пунцовая от волнения и гордости. Все говорили, что это *вещь*. Потом мы месяца три сидели на картошке и квашеной капусте; мне было отказано в мороженом и кино; а еще — разбили молотком глиняную кошечку с удивленными от людского коварства глазами, в ее чреве было обнаружено три рубля сорок две копейки: я копил на ниппельный футбольный мяч, чешский, кожа у него тоже была мягкая и толстая, я трогал ее в магазине, и пахла она тоже здорово; и еще копил на нейлоновые плавки. Ночью я плакал, мама тоже плакала, потому что днем они с папой сильно ругались: папа швырял реглан и кричал, что нечего травмировать ребенка, пускай этот чертов реглан носит ее родня или мой дедушка, они давно на него зарятся; мама тоже кричала, что он сам просил и пускай папина родня в лице драгоценной мамыши отдает позапрошлогдние тридцать два рубля, лично она уходит жить к подруге, и что у ней были в свое время *варианты*. Но в итоге ушла не мама, ушел папа вместе с регланом, было лето, он зажал его под мышкой, в зубах папироса «Беломорканал», и сам нетрезвый. Правда, под Новый год папа пришел в реглане и трезвый, прожил ползими; ползими они с мамой то ссорились, то мирились из-за этого треклятого реглана, ну, не столько из-за реглана, сколько из-за каких-то денег, которые они заняли под этот реглан то ли у маминой, то ли у папиной родни — и не отдали полностью. Потом папа ушел в стареньком пальто, но уже окончательно; мама сказала — к одной бесстыжей женщине, ее видели в ресторане.

Реглан я ношу до сих пор, отец в земле, а я ношу. Подклад съезжился, кожа на локтях и со спины вытерлась, но ее в химчистке за бешеные деньги подкрасили, и в целом реглан еще хоть куда. Даже сын на втором курсе пару раз надевал и говорил, что это хиппово.

Когда я вижу этот реглан, он теперь висит у нас в темнушке в прихожей, я вспоминаю отца, его запах — курева, одеколona «Москва» и чуть-чуть вина «Мадеры», — мне хочется изрезать реглан на мелкие кусочки. Но — нельзя. Одно время я сильно презирал отца, а сейчас понимаю, что это был добрый и слабовольный человек, хотя и фронтовик. Как-то меня осенило, зачем он тогда вернулся к маме: он пришел подарить мне Новый Год, больше у меня не было такого Нового Года. Шел снег, искрился в нежном свете фонарей, мы с папой несли елку, сквозь матерчатую vareжку я ощущал робкие уколы иголок; другой рукой я крепко обнимал коробку с коньками-«канадками» — пределом мечтаний всех дворовых пацанов, лезвия были покрыты толстым слоем смазки, похожей на шоколад, и так же вкусно пахли. Папа был абсолютно трезв и громко рассказывал про ледяных человечков, которые оживают в полночь; по-моему, он сам выдумал эту сказку, больше я нигде и ни от кого в жизни ее не слышал. Были свечи на елке, такие тоненькие, красные и зеленые, я одурел от конфет, шоколада фабрики им. Бабаева, от мандаринов и яблок. Мама надела туфли на высоком каблуке и беспокоилась насчет

свечей, а папа пригублял водку и вино «Мадера» и, смеясь, говорил, что наплевать на пожар, ребенок хоть раз в жизни должен увидеть свечи на елке. Когда мама ушла на кухню, я встал, опираясь на папину руку, на коньки-«канадки», и папа учил меня делать левый поворот, он у меня никак не получался во дворе. Прибежала мама и стала кричать, что мы испортим пол, а папа сказал, что плевать на пол, если парню не терпится; они чуть не поссорились, но быстро помирились, и ночью я слышал, как папа и мама любили друг друга; мне было нисколько за них не стыдно, я лежал и думал о том, что где-то в ночи катаются на коньках-«канадках» ожившие ледяные человечки, делая левые повороты и добро людям.

Ну и вот. Потом папа ушел, а реглан остался висеть в прихожей. Чертов реглан!..

Однажды ночью сын застукал меня, когда я, стоя на коленях, нюхал в прихожей меховую подкладку реглана с опасной бритвой в руке. Сын шмыгнул в туалет и там затих. Кажется, я на полном серьезе хотел изрезать цигейковую подкладку, она невыносимо пахла ушедшим без возврата.

Но — нельзя.

Когда вещь пахнет любовью, она перестает быть вещью.

ВОЗДУШНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Если у человека не все дома, то тут уж ничего не попишешь. Но гордиться своей исключительностью и бросать вызов обществу не стоит. Веди себя прилично, не приставай. Люди и так держатся из последних сил, чтобы самым невзначай не спятить.

Примерно в таком духе выразилась продавщица Инга в свободное от работы время, когда эта дурочка впервые заявила в наш двор. И верно, нормальный сумасшедший так бы не вырядился.

Рваный болоньевый плащ был подпоясан лакированным ремешком золотисто-бурого оттенка, поверх плаща болтались красные пластмассовые бусы, а туфли были с отодранными напрочь каблукками и поневоле задирали свои носы. Под глазом у их хозяйки имелся синяк, однако губки были худо-бедно покрашены и глаза, между прочим, подведены. Кармен-сюита. Театр юного зрителя.

Было воскресенье, и истошное: «Сумасшедшая! Сумасшедшая!» — выгнало из двухэтажных барачков, замыкавших наш двор, всех, кого носили ноги. Толстая и склочная баба по прозвищу Крольчиха припылила с грудным младенцем под мышкой и заголившейся титькой; персонального пенсионера Корнеича, парализованного на почве ревности, катила на коляске супруга; сожители Хохряковы — рябой кочегар и его пухленькая бабенка, не состоящие в законном браке, а потому днем на людях не казавшие носа из своего полуподвала, заявили во всей красе. Каждой твари по паре. Последней, качая бедрами, приплыла продавщица Инга, первая красавица двора и его окрестностей, жуя на ходу серу; по случаю выходного — в бигудях, халате, без привычного слоя помады, пудры и туши на лице, отчего Инга была еще неотразимей. Но раньше всех примчались на место происшествия мы, пацаны, успев занять места в первых рядах.

Под одобрительные смешки собравшихся дурочка вынула из холщового мешка дамскую сумочку с оборванным ремешком, но в приличном еще состоянии, из сумочки — обломок зеркала, и — держите меня! — огрызок черного карандаша. Не без вызова щелкнув сумочкой, она поплевала на карандаш и стала наводить красоту: сперва приделала к своему печенному личику большие круглые брови, частично заехав карандашом на лобик, отчего лицо ее вытянулось и приобрело выражение: «Что вы говорите?!» Сожители Хохряковы переглянулись, кочегар усмехнулся, а гражданская жена прыснула в ладошку. Крольчиха фыркнула.

Потом дурочка принялась за глаза, но, как ни плевала на карандаш, глазки не вырисовывались, и она, бросив карандаш в сумочку, вынула оттуда фото гжучего брюнета, объявив, что это ее жених, а она его невеста, и что скоро он приедет и увезет ее. Причем говорила заведомую ложь, и уличил ее в этом битый правдоискатель Корнеич, который без спроса выкатился вперед и углядел, что фото не что иное, как вырезка из журнала «Советский экран». Корнеич хихикнул. Крольчиха крикнула, что означало смех. Хохряковы тоже засмеялись, пацаны загоготали и замахали руками: «Халтура! Кино давай!»

Общее веселье прекратила Инга.

— Дура, — внятно сказала она, выплюнув серу.

Корнеич нахмурился и скосил глаза на разъезжающиеся полы Ингиного халата. Визгливо заплакал ребенок, Крольчиха заткнула ему рот титькой, зевнула и упылила обратно. Представление закончилось, но имело продолжение. Потому что сумасшедшая, наплевав на общественное мнение, повадилась ходить во двор со своим репертуаром про несчастную любовь.

Инга во двор не выходила. Ей и в самом деле было не до смеха, она переживала очередной неудачный роман. Экспедитор Владик, похаживавший к ней в барак, Владик, которого уже всем двором записали было в женихи, спутался с кассиршей из отдела эмалированной посуды. Но ничего, наша Инга устроила ей на работе маленький бенц: содрала с головы разлучницы парик и замахнулась эмалированным тазом, но случившийся рядом грузчик вовремя повис у нее на руке.

Вообще-то Инга была доброй. Она работала в продуктовом отделе и всегда угощала дворовых пацанов молочным ирисками. В магазин мы ходили по очереди.

В тот день выпала моя очередь. Сполоснув руки у колонки за углом, я оставил товарищей у тяжелых дверей «Универмага» и направился в продуктовый отдел. Друзья расплющили немые носы о витрину. Инга возвышалась над прилавком белоснежной колонной — фартук, наколка, дежурный оскал, — и жевала серу, неприступная во всей своей красоте. Ее тщетно пытался штурмовать какой-то тип в шляпе.

— А-а, это ты, — как только мужик в шляпе отвалил от прилавка, молвила Инга. — А ну, покажь руки. Мыл?

— Мыл, Инга... — промямлил я, протягивая руки.

Инга не удостоила их взглядом и кинула на весы горсть конфет.

— Погодь-ка, — больно царапнула запястье ногтем с облупившимся маникюром. — Шоколадку хошь? А ну, зайдем.

Я поспешно сунул конфеты за пазуху и двинулся следом за Ингой в подсобку. В каморке, уставленной коробками и бидонами, одуряюще пахло духами, жужжали мухи, а стены были оклеены вырезками красавцев из «Советского экрана».

— Видно, нет? — Инга приблизила сильно напудренное лицо с родинкой на левой щеке, окатив сладкой волной.

У меня зачесался нос.

— Погоди... А так?..

Она подошла к окну и пощурилась на солнце, затрепетав ресницами. Над родинкой сквозь толстый слой пудры неумолимо расцветал синяк. Я встал на цыпочки, отразился в Ингиных зрачках во всем своем ничтожестве и прожевал ириску:

— Не-а... Ничего не видать. Фонарь что ли?

Инга вздохнула, колыхнувшись телом, с грохотом придвинула табуретку, достала с полки сумочку.

— Владик, козел... Ну, ниче, у него тоже рожа лохмотьями!

Инга извлекла из сумочки зеркальце, огрызок карандаша и с ненавистью плюнула на него.

— Возьми там, только одну...

Инга подвела карандашом глазщи, кося на меня огромным зрачком. Я зачем-то на цыпочках подошел к тумбочке, взял из стопки шоколадок одну, нижнюю. Стопка рухнула. Шоколад не уместился в ладони и назывался «Аленка». Ну и черт с ним, с названием!

Инга поглядела в зеркальце, скорчила рожицу, тщательно припудрила родинку и синяк, щелкнула сумочкой, встала, поправив чепчик:

— Ты вот чего... Ты давай, передай пацанам... шоб этой дуры, шоб ее духу во дворе не было!

Инга пощурилась на красавца из «Советского экрана», распытого на стене, провела кончиком языка по губам и громко причмокнула, послав стене воздушный поцелуй.

— И так житья нету... Скажи, каждому по шоколадке. Понял? А тебе — две.

Я пошуршал серебряной оберткой и кивнул. Из отдела донеслись голоса.

— Да иду, иду! — вдруг брызнула слюной Инга, оправляя фартук.

У меня заложило уши.

— Иду, иду, никакой личной жизни!

Инга с шумом двинула ногой табуретку, ослепительно оскалилась и чмокнула воздух, изящно откинув ручку. Меня обдало жаром поцелуя, я утерся и кивнул: шоколад, несмотря на девчачье название, был что надо. С этим согласился у дверей «Универмага» друг Ренат, двоечник, силач, грязнуля и вообще хороший пацан.

Воскресенье не заставило себя ждать. Я стоял на стреме у ворот, когда в конце улицы замаячила тощая фигурка сумасшедшей. Она еле ковыляла на своих туфлях без каблучков, то и дело останавливаясь, поправляя косынку и бусы. Я свистнул. Пацаны бросили игру в ножички и потянулись от дощатых кладовок к центру двора, лишь Ренат почему-то побежал к себе в барак.

Едва дурочка достала из мешка дамскую сумочку, один из пацанов, как было условлено, вырвал ее из рук хозяйки и бросил товарищу. Чокнутая, которой не дали навести красоту, поглядела на нас с выражением: «Что вы говорите?!» Мы засвистели, заулюлюкали, образовав круг. Ребенок Крольчихи от шума проснулся и завизжал. Крольчиха шлепнула его по попке и ушла в дом. Заскрипели несмазанные спицы инвалидной коляски: Корнеич рвал когти. Жена семеняла сзади. Ряды зрителей быстро редели.

— Это мое! Мое!.. — дурочка металась по кругу вслед за сумочкой, смешно округляя от ужаса глаза.

Косынка сбилась на плечи, обнажив блестящие на солнце алюминиевые бигуди, один отвязался и упал. Появившийся в круге Ренат втоптал его в пыль, держа в руке бутылку с жидкостью.

Последними из взрослых очистили двор позабывшие стыд Хохряковы: тихо млевшего от удовольствия кочегара дернула за руку сожительница, уводя от греха подальше.

— Мое! Отдайте! Мое!... — сумасшедшая подбежала к нам и умоляюще протянула руки.